

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-11-31

Научная статья / Research paper

А.А. Кокошин*

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО И НЕЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20*

В условиях резкого обострения межгосударственного соперничества и усиления традиционных и новых угроз трудно переоценить значение политики, сил и средств стратегического сдерживания в обеспечении национальной безопасности России. Принципиальные решения по развитию потенциала стратегического сдерживания были приняты российским руководством еще в конце 1990-х годов. Эти решения базировались на долгосрочных оценках перспектив политико-военных отношений в системе мировой политики, которые были сделаны в Министерстве обороны, в аппарате Совета обороны, а затем в аппарате Совета безопасности РФ. В современных условиях особый интерес представляет рассмотрение вопросов о том, какое развитие эти решения получили в последующие годы, какое конкретное наполнение приобретает проблематика стратегического сдерживания в обновленной политике национальной безопасности России. В первой части статьи рассмотрен ряд ключевых элементов сложнейшего комплекса сил и средств, лежащих в основе политики Российской Феде-

* Кокошин Андрей Афанасьевич — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; директор Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0009-0740-6509).

рации в области стратегического ядерного сдерживания. Автор подчеркивает, что данная политика носит оборонительный характер, а в своей материально-технической части базируется на крупных достижениях российской науки и промышленности в целом и отечественного оборонно-промышленного комплекса в частности. Эти достижения в свою очередь опираются на задел, созданный еще в СССР, и одновременно являются следствием своевременной модернизации ядерной триады России. Во второй части проанализирована роль неядерного сдерживания в российской политике национальной безопасности. Автор отмечает, что убедительная угроза применения высокоточного дальнобойного носителя с боезарядом в обычном оснащении в рамках неядерного («предъядерного») сдерживания может эффективно дополнить систему ядерного сдерживания. При этом автор заключает, что решение задачи обеспечения и ядерного, и неядерного сдерживания требует отработки большого числа различных сценариев как политико-военного характера, так и сугубо оперативно-стратегического и даже тактического порядка, а также слаженной и системной работы военных и гражданских специалистов, представляющих самый широкий спектр прикладных и фундаментальных дисциплин.

Ключевые слова: стратегическая стабильность, международная безопасность, стратегическое сдерживание, нестратегическое сдерживание, стратегические ядерные силы, нестратегическое ядерное оружие, Россия, национальная безопасность

Для цитирования: Кокошин А.А. Вопросы стратегического ядерного и неядерного сдерживания в политике национальной безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 11–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-11-31.

Andrei A. Kokoshin

STRATEGIC NUCLEAR AND NON-NUCLEAR DETERRENCE IN RUSSIA'S NATIONAL SECURITY POLICY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

*HSE University
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia, 101000*

In the present context of a sharp aggravation of interstate rivalry and escalation of traditional and new threats, the importance of policy, forces and means of

strategic deterrence in ensuring Russia's national security cannot be overstated. Fundamental decisions on the development of strategic deterrence capabilities were made by the Russian leadership back in the late 1990s. These decisions were based on the long-term political and military forecasts first made by the Ministry of Defense and the Defense Council and then furthered by the Security Council of the Russian Federation. This paper examines how these decisions were put into practice in the subsequent years and how they have permeated the concept of strategic deterrence in Russia's updated national security policy. The first section of the article identifies the key forces and facilities underlying the policy of the Russian Federation in the field of strategic nuclear deterrence. The author emphasizes that this policy is defensive in its nature and in terms of material capacities is based on achievements of Russian science and industry in general and the defense industry in particular. These advancements, in turn, rely on the foundations laid down in the USSR, and at the same time result from the timely modernization of Russia's nuclear triad. The second section analyzes the role of non-nuclear deterrence in the national security policy of Russia. The author notes that a formidable threat of using a high-precision long-range conventionally-armed carrier within the framework of non-nuclear ('pre-nuclear') deterrence can effectively complement the nuclear deterrence system. That said, the author concludes that the solution to the problem of ensuring both nuclear and non-nuclear deterrence requires working out a large number of different scenarios, not only political ones, but also of a purely military, strategic and even tactical nature. It also necessitates the coordinated and systematic work of both military and civilian specialists representing the widest range of applied and fundamental disciplines.

Keywords: strategic stability, international security, strategic deterrence, non-strategic deterrence, strategic nuclear forces, non-strategic nuclear weapons, Russia, national security

About the author: *Andrei A. Kokoshin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Director of the Institute for Advanced Strategic Studies, HSE University (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru; ORCID: 0009-0009-0740-6509).

For citation: Kokoshin A.A. 2024. Strategic nuclear and non-nuclear deterrence in Russia's national security policy. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 4, pp. 11–31. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-4-11-31. (In Russ.)

В условиях резкого обострения межгосударственного соперничества и усиления традиционных и новых угроз международной безопасности перед российским руководством остро стоит вопрос о выборе оптимальных инструментов, позволяющих минимизировать риски и обеспечить максимально возможную защиту национальных интересов страны. В этой связи трудно переоценить значение политики, сил и средств стратегического сдерживания в обеспечении национальной безопасности России, против которой коллективный Запад ведет полномасштабную экономическую и психологическую войну, а также прокси-войну, используя для этих целей Украину.

Главная задача российской политики стратегического сдерживания на современном этапе — это предотвращение агрессии против нашей страны, особенно с применением ядерного оружия и с масштабным использованием сил общего назначения и соответствующих средств. В этом контексте одной из ключевых функций стратегического сдерживания в политике национальной безопасности России является принуждение противной стороны к определенному поведению и к отказу от действий, которые могли бы еще больше обострить ситуацию. Сдерживание посредством демонстрации возможного применения военной силы — один из важнейших факторов и предотвращения агрессии, и противодействия политико-силовому давлению на наше государство. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание (о нем речь пойдет далее) можно считать силовым сдерживанием, которое должно дополняться другими средствами и методами: политико-дипломатическими, информационно-психологическими, экономическими. В этом смысле можно согласиться с мнением генерала А.К. Марьина о том, что действия по стратегическому сдерживанию представляют собой особый способ влияния на быстро меняющуюся военно-политическую обстановку в мире и посему являются одним из базовых элементов военной политики государства [Марьин, 2023: 28].

При этом проблему сдерживания следует рассматривать в тесной связке с вопросами эскалации и деэскалации. Управление эскалацией — это и политико-дипломатическая, и оперативно-стратегическая задача; действия и политиков (в том числе дипломатов), и военных должны быть направлены на недопущение

перехода конфликта в неуправляемую стадию. Вот почему вопросы эскалации и деэскалации должны быть частью современной теории военной стратегии [Кокошин и др., 2021: 53–70]. Их необходимо интегрировать в план обороны России, в том числе в планы стратегических действий, которые должны включать и дозированные демонстрации военной силы в тех или иных конкретных обстоятельствах. Одной из задач сдерживания является предотвращение попыток эскалационного доминирования противостоящей нам стороны ради достижения той или иной политической или военно-стратегической цели.

Для современной России весьма важным этапом в развитии теории сдерживания и ее материальном обеспечении были 1990-е годы — под вопросом оказались многие возможности нашей страны в этой области. Тогда огромными усилиями Министерства обороны РФ, представителей оборонно-промышленного комплекса (ОПК) удалось сохранить его ядро, а по ряду направлений и серьезно продвинуться вперед. В частности, в тот период были сохранены и модернизированы две системы кооперации для разработки и производства межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), которые работают и по сей день, и два важнейших центра отечественного ядерного оружейного комплекса. В сложнейших условиях оборонное ведомство и ОПК смогли сохранить и все основные цепочки для выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и для серийного производства средств стратегического сдерживания, включая строительство ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН), производство и модернизацию самолетов стратегической и дальней авиации.

Принципиальные решения по ядерной политике государства были приняты в результате заседания Совета безопасности РФ в июле 1998 г. В их подготовке в качестве секретаря Совета безопасности РФ довелось принимать участие автору данной статьи. Оценивая уроки того времени, Президент России В.В. Путин отмечал, что именно потенциал стратегического сдерживания «помог нам сохранить государственный суверенитет в сложный период

[19]90-х годов, когда других весомых материальных аргументов у нас, будем откровенны, не существовало»¹.

Эти решения базировались на долгосрочных оценках перспектив политико-военных отношений в системе мировой политики, которые были сделаны в Министерстве обороны, в аппарате Совета обороны, а затем в аппарате Совета безопасности РФ. Они предусматривали сохранение трехкомпонентной структуры стратегических ядерных сил (СЯС), нестратегического ядерного оружия (оружия тактического и оперативно-тактического назначения), совершенствование ядерного оружейного комплекса России, развитие системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) и др.

В современных условиях особый интерес представляет рассмотрение вопросов о том, какое развитие эти решения получили в последующие годы, какое конкретное наполнение приобретает проблематика стратегического ядерного и неядерного сдерживания в обновленной политике национальной безопасности России.

Стратегическое ядерное сдерживание в политике национальной безопасности России

Ядерное сдерживание уверенно сохраняет ведущее место в системе инструментов политики национальной безопасности России. Более того, как видится, альтернативы ядерному сдерживанию в стратегии РФ не было и нет. Это положение представляется обоснованным на всю обозримую перспективу даже с учетом проблем, связанных с эксплуатацией (и хранением) ядерных боезарядов и средств их доставки. Ядерное сдерживание является важнейшим средством предотвращения сколько-нибудь масштабной агрессии против России. Трудно представить где-то даже в отдаленном будущем адекватную замену ядерному оружию (имея в виду все поражающие факторы ядерного взрыва) как средству сдерживания агрессии или агрессивного политико-военного поведения в условиях острого международного кризиса. Надежное, убедительное стратегическое сдерживание со стороны РФ — одно из важнейших условий обеспечения стратегической стабильности как междуна-

¹ Владимир Путин: «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» // Российская газета. 19.02.2012. Доступ: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 14.10.2024).

родного феномена. Особую роль стратегическое ядерное сдерживание играет для России в условиях, когда, как отмечает Президент В.В. Путин, «против нашей Родины развязана настоящая война»², а глобальная система стратегической стабильности «продолжает деградировать»³.

Обеспечение стратегической стабильности, как говорится в Стратегии национальной безопасности РФ⁴ и в Концепции внешней политики РФ⁵, является одним из важнейших направлений усилий страны на международной арене, залогом ее выживания. При этом, в отличие от предыдущего этапа развития российской политики национальной безопасности, проблема стратегической стабильности в современных условиях приобретает новые измерения, связанные с военной деятельностью в космосе и киберпространстве.

Рассматривая перспективы поддержания стратегической стабильности во взаимоотношениях с США, В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ отметил неадекватность демагогических заявлений американского руководства о его готовности вести переговоры по этой проблеме, когда Вашингтон одновременно пытается «нанести России, как они сами говорят, стратегическое поражение на поле боя». В силу этого у российской стороны «есть все основания полагать, что слова сегодняшних американских властей о якобы заинтересованности в переговорах с нами по вопросам стратегической стабильности — это демагогия». Далее Президент России подчеркнул, что если коллективный Запад хочет обсуждать «ответственные, важные для всей планеты вопросы безопасности

² Парад Победы на Красной площади // Президент России. 09.05.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71104> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Путин заявил, что система стратегической стабильности в мире продолжает деградировать // ТАСС. 10.11.2020. Доступ: <https://tass.ru/politika/9959863> (дата обращения: 15.10.2024).

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Президент России. 02.07.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.10.2024).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Президент России. 31.03.2023. Доступ: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAyLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

и стабильности, то необходимо делать это только в едином комплексе, естественно, включая все те аспекты, которые затрагивают наши национальные интересы и прямо влияют на безопасность нашей страны, на безопасность России»⁶.

О стремлении РФ к поддержанию (а не подрыву) системы стратегической стабильности свидетельствует то обстоятельство, что российская политика сдерживания носит прежде всего оборонительный характер. С этим согласны и лица, принимающие ключевые решения, и ведущие военные эксперты.

Так, в Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания говорится, что политика страны в указанной сфере «носит оборонительный характер», в случае возникновения военного конфликта направлена на «недопущение эскалации военных действий и их прекращение на приемлемых для Российской Федерации и/или ее союзников условиях»⁷. При этом Россия «рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой»⁸. В этом документе говорится о ряде условий перехода Российской Федерации к применению ядерного оружия (раздел 19, подп. (а), (б), (в), (г), (д)). Отмечается, что ядерное сдерживание направлено на обеспечение понимания потенциальным противником неотвратимости возмездия в случае агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников⁹.

Как подчеркивает командующий российскими Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) генерал-полковник С.В. Каракаев в развитие тезиса об оборонительном характере российской политики стратегического сдерживания, «среди мер стратегического сдерживания по-прежнему главное место уделено

⁶ Послание Президента Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации) // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/1> (дата обращения: 20.10.2024).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991 «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». Доступ: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74105990> (дата обращения: 19.11.2024).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

боевому дежурству, обеспечивающему гарантированное выполнение первоочередных боевых задач РВСН и являющемуся основой их сдерживающих действий» [Каракаев, 2023: 15].

И.Р. Фазлетдинов и В.И. Лумпов в свою очередь пишут о том, что гарантированное сдерживание обеспечивается российскими СЯС — «компонентами инструментария», который позволяет убедить государственное руководство и высшее военное командование США «в невозможности достижения цели по нанесению закритичного ущерба» СЯС России «превентивным контрсилowym воздействием» соответствующих американских средств нападения, а также в неспособности полностью уничтожить сохранившиеся после американских ударов ядерные боезаряды средствами эшелонов противоракетной обороны (ПРО) США в «ответном ядерном возмездии» РФ [Фазлетдинов, Лумпов, 2023: 62].

При этом одним из ключевых вопросов в рамках теории сдерживания был вопрос о так называемом неприемлемом ущербе. Многие специалисты справедливо обращают внимание на отсутствие научных критериев оценки его масштабов. Выявление на научной основе по крайней мере рамочных параметров неприемлемого ущерба — междисциплинарная комплексная задача, требующая серьезных усилий ученых разного профиля, в том числе в области общественных наук.

Как представляется, в Военной доктрине Российской Федерации (утвержденной в 2010 г.) был использован более адекватный термин — «заданный ущерб агрессору в любых условиях обстановки»¹⁰. Такого рода ущерб необходимо определять с учетом всех поражающих факторов ядерного взрыва, так как в ряде случаев немаловажную роль могут играть и вторичные, и даже третичные последствия применения ядерного оружия, включая медико-биологические и климатические.

Необходимый объем ядерных средств для осуществления убедительного ядерного сдерживания выдающийся отечественный ученый-атомщик академик АН СССР и РАН Ю.А. Трутнев определил тремя основными параметрами:

¹⁰ Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента Российской Федерации // Президент России. 05.02.2010. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 15.10.2024).

- совокупной мощностью ядерных боеприпасов, достаточной для нанесения неприемлемого ущерба;
- совокупной живучестью средств ответного удара по отношению к средствам упреждающего удара противника (т.е. долей средств ответного удара, уцелевших после первого удара противника);
- совокупной живучестью средств ответного удара по отношению к средствам ПРО другой стороны (т.е. долей средств ответного удара, уцелевших после прохождения всех эшелонов противоракетной, противокосмической и противовоздушной обороны) [Кокошин, 2011: 63–64].

Очевидно, что возможности по нанесению масштабного ущерба противнику резко возрастают при ответно-встречном ударе. Так что угроза осуществления ответно-встречного и встречного ударов — это дополнительный весьма важный сдерживающий фактор в отношении потенциального агрессора, задумывающего упреждающий «обезоруживающий» и «обезглавливающий» удар в отношении нашей страны. В силу этого необходимо развивать и средства, которые призваны обеспечить возможность такого удара. В их числе весьма важную роль играют СПРН, ее качественные характеристики, включая особо высокую степень надежности с гарантией получения при любых условиях достоверной информации о действиях агрессора, а также многообразные средства стратегической и оперативной разведки.

Вкладом СПРН в организацию ответно-встречных действий СЯС следует считать разность между количеством боевых блоков баллистических ракет в ответно-встречном ударе и ответном. В этих условиях СПРН обеспечивает наращивание масштабов ответно-встречных действий [Системы ракетно-космической обороны..., 2020: 46]. В целом потенциальному противнику необходимо демонстрировать, что наши ответные действия исключают возможность рационального использования упреждающего (первого) удара, в том числе «обезоруживающего», или «обезглавливающего».

Необходимо учитывать, как воспринимается гипотетическое использование ядерного оружия другой стороной, какова степень «неприемлемости» ущерба от его применения в том или ином масштабе с точки зрения противника. Этот вопрос в значительной мере лежит в плоскости политической групповой и индивидуальной (лич-

ностной) психологии и является весьма сложно идентифицируемым параметром [Журавлёв и др., 2012]. Во многом эффект сдерживания обеспечивается через информационно-коммуникационную сферу, особенно в ее психологическом измерении.

Силы и средства стратегического ядерного сдерживания представляют собой сложный комплекс компонентов Вооруженных Сил России и различных систем вооружений, необходимой инфраструктуры. Этот комплекс базируется на крупных достижениях российской науки и промышленности в целом, отечественного ОПК, опирающихся на задел, созданный еще в СССР, который всё еще играет значительную роль в силу особой длительности циклов в создании и функционировании соответствующих систем вооружений. В то же время исключительную важность имеет своевременная модернизация ядерной триады, формирующей основу системы стратегического ядерного сдерживания России.

В связи с этим весьма важным является следующее заявление Президента России В.В. Путина: «Несмотря на меняющийся характер военных угроз, именно ядерная триада остается важнейшей, ключевой гарантией военной безопасности России. А если смотреть шире, то и глобальной стабильности. Сохранение такого баланса сил сводит на нет угрозу крупномасштабного военного конфликта, по сути, делает бессмысленными любые попытки шантажа или давления в отношении нашей страны»¹¹.

В последние годы Россия достигла больших результатов в развитии и модернизации своих СЯС, используя в том числе научно-технические заделы, созданные в нашей стране в тяжелые 1990-е годы. В.В. Путин заявил, что «по ряду стратегических вооружений наша страна ушла далеко вперед других ведущих военных держав мира», что «впервые в истории наша страна, Россия, выступила не в роли догоняющего, а сама предложила такие образцы, которые на годы и даже на десятилетия опережают зарубежные аналоги, а некоторые просто не имеют равных в мире и, скорее всего, еще долго не будут иметь аналогов»¹².

¹¹ Совещание с руководящим составом Министерства обороны, руководителями федеральных ведомств и предприятий ОПК // Президент России. 10.11.2020. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64392> (дата обращения: 20.10.2024).

¹² Там же.

Выступая 20 мая 2021 г., Президент РФ обоснованно заявил: «У нас самые современные из всех ядерных держав, самые современные силы ядерного сдерживания. Можно твердо это утверждать, самые современные»¹³. При этом, по его словам, «мы не намерены ввязываться, втягиваться в изматывающую гонку вооружений. Мы не будем этого делать, и необходимости у нас такой сегодня нет»¹⁴. В интервью Дмитрию Киселёву В.В. Путин отметил, что к ядерной войне «с военно-технической точки зрения мы, конечно, готовы», что соответствующие силы и средства «у нас постоянно находятся в состоянии боевой готовности»¹⁵.

За последние 10–12 лет достигнуты новые, еще более высокие результаты в обеспечении живучести российских СЯС, делающие бессмысленным обезоруживающий удар по ним. Это, в частности, обеспечивается высокой скрытностью и мобильностью подвижно-грунтовых ракетных комплексов, увеличенной взрывостойкостью шахт для МБР стационарного базирования и высочайшей готовностью этих ракет к немедленному запуску (десятки секунд).

Если говорить о стратегических подводных ракетоносцах (РПКСН), то российской науке и промышленности удалось добиться снижения их шумности, повышения скрытности, неуязвимости. Это же относится и к отечественным многоцелевым атомным подводным лодкам (АПЛ), значительная часть которых призвана обеспечивать безопасность РПКСН, их боевую устойчивость.

Все российские МБР и БРПЛ оснащены комплексом средств преодоления ПРО, и работа на этом направлении активно продолжается [Каракаев, 2023: 16]. Это обеспечивает для них способность преодолеть любую и существующую, и перспективную ПРО США даже при самых неблагоприятных условиях.

¹³ Заседание Российского организационного комитета «Победа» // Президент России. 20.05.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65618> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁴ Совещание с руководящим составом Министерства обороны, руководителями федеральных ведомств и предприятий ОПК // Президент России. 10.11.2020. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64392> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁵ Интервью Дмитрию Киселёву. Владимир Путин ответил на вопросы Дмитрия Киселёва // Президент России. 13.03.2024. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73648> (дата обращения: 15.10.2024).

Многие требования к возможностям преодоления ПРО США были заложены в разработки отечественной ракетной техники еще в 1980-е годы, когда в Соединенных Штатах была объявлена программа НИОКР «Стратегическая оборонная инициатива», предусматривавшая в конечном счете создание космических эшелонов ПРО. Эта программа, как известно, не дала ожидаемых результатов и была свернута. Отечественные же заделы по комплексам средств преодоления ПРО были реализованы уже в 1990-е годы и значительно приумножены в последующие десятилетия. Они сохраняют свою значимость и сегодня, в том числе перед лицом гипотетического возврата США к попыткам создания космического эшелона ПРО.

Немаловажную роль в сдерживании потенциального агрессора играет ПРО Московского региона, развивающаяся на протяжении нескольких десятилетий. Эта система призвана обеспечить сохранение объектов государственного и высшего военного управления в условиях ограниченных ударов стратегических баллистических ракет, увеличение времени, имеющегося в распоряжении Верховного главного командования, для принятия решения об ответных (ответно-встречных) действиях СЯС [Системы ракетно-космической обороны..., 2020: 47].

Одним из элементов всего сложнейшего комплекса сил и средств стратегического сдерживания служит система контроля космического пространства (СККП). Считается, что по информации о текущем состоянии разведывательных космических систем противника, получаемой от СККП, могут быть выполнены дополнительные мероприятия маскировки и маневр мобильными средствами РВСН. Это позволит повысить скрытность их действий и вывести их из-под удара баллистических и стратегических крылатых ракет противника [Системы ракетно-космической обороны..., 2020: 47].

Определенные шаги по модернизации ядерных потенциалов и средств доставки ядерного оружия предпринимают и другие ключевые ядерные державы. США только на подходе к обновлению своей стратегической ядерной триады, на что предполагается затратить в течение 10 лет 297 млрд долл. (на все ядерные силы и средства —

634 млрд долл.)¹⁶. В последние несколько лет значительную активность в этой области проявляет Китай. В дополнение к наземному компоненту СЯС Пекин уверенно обрел в последние годы морскую ядерную составляющую и близок к созданию современной воздушной составляющей СЯС за счет разработки стратегического бомбардировщика межконтинентальной дальности и соответствующих крылатых ракет воздушного запуска. Технические и экономические возможности Китая позволяют осуществлять достаточно быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений по всему диапазону их классов. Это относится ко всем трем компонентам СЯС — наземному, морскому и воздушному. В том числе, по ряду оценок, в течение текущего десятилетия СЯС КНР могут быть доведены до нынешнего уровня США и России. Это создаст радикально иную политико-военную и военно-стратегическую ситуацию в мире со многими пока еще трудно прогнозируемыми последствиями для стратегической стабильности.

Стратегическое неядерное сдерживание в российской политике национальной безопасности

Уже в начале 1980-х годов некоторые отечественные и зарубежные специалисты обратили внимание на тот факт, что обычные виды вооружений благодаря одновременному повышению точности и мощности приближаются к ядерному оружию малой мощности. В нашей стране на это указал высокоавторитетный военный деятель и технический специалист, генерал армии В.М. Шабанов, на протяжении ряда лет занимавший пост заместителя министра обороны СССР по вооружению [Кокошин, 1989: 210–211].

В тот же период на вооружение Советского Союза начали поступать крылатые ракеты воздушного и морского базирования, новое поколение баллистических ракет средней и меньшей дальности, оперативно-тактического и тактического назначения. Появление более совершенных средств доставки, развитие средств разведки и целеуказания создавали материальную базу для нового вида сдерживания — неядерного стратегического.

¹⁶ Projected costs of U.S. nuclear forces, 2021 to 2030 // Congressional Budget Office. May 2021. Available at: <https://www.cbo.gov/publication/57240> (дата обращения: 20.10.2024).

Вопросы неядерного (предъядерного) сдерживания автору этой статьи довелось рассматривать еще в 1990-е годы с рядом коллег по Министерству обороны, Совету обороны и Совету безопасности Российской Федерации, с учеными и экспертами, представлявшими ОПК России и Российскую академию наук. Эта работа велась в тесной связи с практической деятельностью отечественного ОПК и Минобороны России по развитию высокоточного дальнобойного оружия в неядерном оснащении.

Создание такого оружия в условиях разрыва многих кооперационных связей вследствие распада СССР и постоянного сокращения государственных оборонных расходов потребовало огромных усилий. Однако эти усилия не пропали даром. В дальнейшем данное оружие начало поступать на вооружение нашей армии. Речь идет, в частности, о таких уже довольно хорошо известных ракетных комплексах воздушного базирования, как крылатая ракета Х-555 (глубокая модернизация крылатой ракеты Х-55) и особенно крылатая ракета Х-101, которую характеризует повышенная дальность полета. Предусматривалось тогда и развитие крылатых ракет большой дальности для многоцелевых АПЛ с пониженным уровнем шумности.

Важным этапом в развитии сил и средств неядерного стратегического сдерживания было создание российской космической системы навигации ГЛОНАСС, основная группировка космических аппаратов которой была достроена огромными усилиями уже в 1995 г. В последующие периоды эта система получила значительное развитие.

Изначально идея неядерного сдерживания была предложена автором в открытой научной публикации в 2003 г. в виде формулы «предъядерного сдерживания» [Кокошин, 2003]. В.М. Буренок и О.Б. Ачасов в 2007 г. обоснованно отмечали, что неядерное сдерживание предполагает демонстрацию готовности к реализации угрозы нанесения неядерными средствами не только в ответных, но и в упреждающих действиях «ущерба жизненно важным интересам и объектам государств — потенциальных агрессоров»; этот ущерб должен заведомо превышать «выгоды от осуществления агрессии» [Буренок, Ачасов, 2007: 12].

А.Е. Стерлин, А.А. Протасов и С.В. Крейдин в журнале Министерства обороны РФ «Военная мысль» пишут, что «стратегический

неядерный потенциал [стратегическое неядерное оружие, СНЯО] является многоцелевым ресурсом, применяемым для решения в том числе деэскалационных задач регионального и глобального сдерживания» [Стерлин и др., 2019: 14–15]. При этом, как отмечают эти военные специалисты, «ядерное оружие (СЯС и нестратегическое ядерное оружие (НСЯО)) во взаимодействии со СНЯО выполняет роль сдерживания, деэскалации и пресечения крупных неядерных угроз, в том числе коалиционных» [Стерлин и др., 2019: 14–15]. Ранее мысль о роли ядерного оружия для деэскалации военных действий высказывалась в статье В.И. Левшина, А.В. Неделина и М.Е. Сосновского в журнале «Военная мысль» в 1999 г. [Левшин и др., 1999].

В 2014 г. положение о неядерном сдерживании в политике национальной безопасности России было включено в новую редакцию Военной доктрины Российской Федерации. В ст. 8 этого документа говорится о том, что система неядерного сдерживания — это комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами. В ст. 32 отмечается, что стратегическое (ядерное и неядерное) сдерживание — одна из основных задач Вооруженных Сил, других войск и органов в мирное время¹⁷.

В 2013 г. Главком ВМФ России адмирал В.В. Чирков отмечал, что на российском флоте также лежат функции стратегического неядерного сдерживания, что «важным направлением развития ВМФ должно стать создание группировок морских сил общего назначения, оснащенных высокоточным оружием большой дальности, способных решать задачи стратегического неядерного сдерживания угрозой поражения критически важных военных и экономических объектов противника»¹⁸.

В современных условиях это направление военного строительства получило продолжение. Российская оборонная промышленность

¹⁷ Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // АО «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения: 15.10.2024).

¹⁸ Виктор Чирков: «Развитие ВМФ невозможно без взгляда в дальнюю перспективу» // Новости ВПК. 02.09.2013. Доступ: https://vpk.name/news/94207_viktor_chirkov_razvitiye_vmf_nevozmozhno_bez_vzglyada_v_dalnyuyu_perspektivu.html (дата обращения: 20.10.2024).

и военное ведомство прилагают большие усилия для того, чтобы материальные возможности для такого стратегического неядерного сдерживания были достаточными.

Убедительная угроза применения высокоточного дальнобойного носителя с боезарядом в обычном оснащении могла бы стать основой системы стратегического неядерного (предъядерного) сдерживания, дополняющей систему ядерного сдерживания. Потенциальный агрессор должен иметь в виду, что возможно нанесение удара не только по его силам и средствам, непосредственно развернутым и задействованным против России, но и по ряду других объектов.

Угроза использования высокоточного дальнобойного оружия должна быть соответствующим образом «обставлена» политически — как акт последнего предупреждения в ходе военных действий перед селективным применением сравнительно маломощных ядерных боезарядов (применительно к Военной доктрине РФ такие предложения были в 2009 г. выдвинуты в специальной разработке на эту тему [Кокошин и др., 2009: 187]). При использовании подобного оружия речь должна идти прежде всего об объектах высокой ценности (не столько в денежном исчислении, сколько с позиции их важности для обеспечения национальной безопасности, в том числе при ведении боевых действий). Представляется, что обеспечение таких условий — это во многих отношениях значительно более сложная задача, нежели задача обеспечения ядерного сдерживания. Ее решение требует отработки большого числа различных сценариев как политико-военного характера, так и сугубо оперативно-стратегического и даже тактического порядка (в том числе с применением тщательно отработанного и с методологической, и с содержательной точкой зрения компьютерного моделирования).

Совершенствуя и укрепляя систему стратегического неядерного сдерживания, необходимо иметь в виду, что она в еще большей мере, чем система ядерного сдерживания, зависит от развития соответствующей информационно-коммуникационной инфраструктуры: высокоинтегрированных средств разведки, целеуказания, навигации (включая космическую навигацию, ретрансляцию, топогеодезию и др.) [Кокошин, 2008: 8–9]. Значительную часть этой инфраструктуры составляют средства двойного назначения, обладающие своей

спецификой функционирования и развития. Это относится, в частности, к отмеченной системе ГЛОНАСС.

Высокоточное дальнобойное оружие в неядерном снаряжении является и реальным средством ведения военных действий, в том числе весьма ограниченного применения военной силы. Вооруженные Силы РФ это убедительно продемонстрировали в Сирии и в ходе специальной военной операции на Украине.

* * *

Решение комплексных задач стратегического сдерживания с учетом происходящих в мире коренных изменений в политико-военных отношениях и системе обеспечения международной безопасности требует от руководства России не только уделять особо пристальное внимание материально-техническим вопросам стратегического ядерного и неядерного сдерживания, активно парировать появляющиеся новые угрозы национальной безопасности, в том числе принимая упреждающие меры. Для «поддержания в тонусе» другой стороны необходимы «стратегические жесты» (по выражению выдающегося отечественного военного теоретика и историка А.А. Свечина).

Такие «стратегические жесты» необходимо осуществлять, опираясь на основательное знание механизмов принятия решений оппонентами, традиций их политических культур, на понимание индивидуальной и групповой психологии их лидеров и др. В числе таких «жестов» — учения с участием тех или иных компонентов СЯС, демонстрации испытаний МБР и БРПЛ, новых типов боевых блоков, крылатых ракет большой дальности, полеты стратегических бомбардировщиков в определенных районах, демонстрация способности стратегических подводных ракетоносцев действовать в районах с особо сложными условиями навигации, снижающими возможность их поиска, обнаружения и уничтожения противолодочными силами другой стороны, и т.п. Каждый из подобных шагов должен быть оценен в том числе с точки зрения воздействия на общую (общесистемную) и региональную (субсистемную) стратегическую стабильность.

Совокупность подобных «жестов» (опирающихся прежде всего на реальные научно-технические результаты) призвана создать

в глазах профессионального наблюдателя другой стороны желаемую для нас картину для решения задач обеспечения национальной безопасности России. Для этого в свою очередь необходима слаженная и системная работа как военных, так и гражданских специалистов, представляющих самый широкий спектр прикладных и фундаментальных дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буренок В.М., Ачасов О.Б. Неядерное сдерживание // Военная мысль. 2007. № 12. С. 12–16.
2. Журавлёв А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
3. Каракаев С.В. К вопросу о применении Ракетных войск стратегического назначения в войнах будущего // Военная мысль. 2023. № 2. С. 6–16.
4. Кокошин А.А. В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989.
5. Кокошин А.А. Инновационные вооруженные силы и революция в военном деле. М.: URSS, 2008.
6. Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности. Теоретические и прикладные вопросы. М.: УРСС, 2011.
7. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003.
8. Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн. М.: ЛЕНАНД, 2021.
9. Кокошин А.А., Потапов В.Я., Савельев А.Г. К вопросу о возможной структуре и содержании новой редакции Военной доктрины Российской Федерации // К новой редакции Военной доктрины Российской Федерации / Сост. А.Г. Савельев. М.: ЛЕНАНД, 2009. С. 187–203.
10. Левшин В.И., Неделин А.В., Сосновский М.Е. О применении ядерного оружия для деэскалации военных действий // Военная мысль. 1999. № 3. С. 34–37.
11. Марьин А.К. Особенности стратегического сдерживания в современных условиях // Военная мысль. 2023. № 12. С. 21–28.
12. Системы ракетно-космической обороны: В 4 т. Т. 1. Ракетно-космические вооружения. Создание и развитие систем ракетно-космической обороны / Под ред. О.Ю. Аксенова. М.: Аргументы недели, 2020.

13. Стерлин А.Е., Протасов А.А., Крейдин С.В. Современные трансформации концепций и силовых инструментов стратегического сдерживания // Военная мысль. 2019. № 8. С. 7–17.

14. Фазлетдинов И.Р., Лумпов В.И. Роль Ракетных войск стратегического назначения в противодействии стратегической многосферной операции НАТО // Военная мысль. 2023. № 3. С. 53–63.

REFERENCES

1. Burenok V.M., Achasov O.B. 2007. Neyadernoe sderzhivanie [Non-nuclear deterrence]. *Voennaya mysl'*, no. 12, pp. 12–16. (In Russ.)

2. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Sosnin V.A. 2012. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty strategicheskoi stabil'nosti i yadernogo sderzhivaniya: postanovka problemy i praktika issledovaniy [The socio-psychological aspects of strategic stability and nuclear containment in the contemporary world: The problem definition and research practice]. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 116–123. (In Russ.)

3. Karakaev S.V. 2023. K voprosu o primeneni Raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya v voynakh budushchego [On the use of strategic missile forces in future wars]. *Voennaya mysl'*, no. 2, pp. 6–16. (In Russ.)

4. Kokoshin A.A. 1989. *V poiskakh vykhoda: voenno-politicheskie aspekty mezhdunarodnoi bezopasnosti* [In search of a way out: Military and political aspects of international security]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

5. Kokoshin A.A. 2008. *Innovatsionnye vooruzhennyye sily i revolyutsiya v voennom dele* [Innovative armed forces and the revolution in military art]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

6. Kokoshin A.A. 2011. *Problemy obespecheniya strategicheskoi stabil'nosti. Teoreticheskie i prikladnye voprosy* [Problems of ensuring strategic stability. Theory and practice]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

7. Kokoshin A.A. 2003. *Yadernyye konflikty v XXI veke (tipy, formy, vozmozhnyye uchastniki)* [Nuclear conflicts in the 21st century (types, forms, possible participants)]. Moscow, Media-Press Publ. (In Russ.)

8. Kokoshin A.A., Baluevskii Yu.N., Esin V.I., Shlyakhturov A.V. 2021. *Voprosy eskalatsii i deeskalatsii krizisnykh situatsii, vooruzhennykh konfliktov i voyn* [Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

9. Kokoshin A.A., Potapov V.Ya., Savel'ev A.G. 2009. K voprosu o vozmozhnoi strukture i soderzhanii novoi redaktsii Voennoi doktriny Rossiiskoi Federatsii [Discussing the possible structure and content of the new edition of the Military Doctrine of the Russian Federation]. In: Savel'ev A.G. (ed.). *K novoi redaktsii Voennoi doktriny Rossiiskoi Federatsii* [For the new edition of the Military Doctrine of the Russian Federation]. Moscow, LENAND Publ., pp. 187–203. (In Russ.)

10. Levshin V.I., Nedelin A.V., Sosnovskii M.E. 1999. O primenении yadernogo oruzhiya dlya deeskalatsii voennykh deistvii [On the use of nuclear weapons to de-escalate hostilities]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.)

11. Mar'in A.K. 2023. Osobennosti strategicheskogo sderzhivaniya v sovremennykh usloviyakh [Peculiarities of strategic deterrence in modern conditions]. *Voennaya mysl'*, no. 12, pp. 21–28. (In Russ.)

12. Aksenov O.Yu. (ed.) 2020. *Sistemy raketno-kosmicheskoi oborony* [Space missile defense systems]: In 4 vols. Vol. 1. Raketno-kosmicheskie vooruzheniya. Sozdanie i razvitie sistem raketno-kosmicheskoi oborony [Space missile weapons. Creation and development of space missile defense systems]. Moscow, Argumenty nedeli Publ. (In Russ.)

13. Sterlin A.E., Protasov A.A., Kreidin S.V. 2019. Sovremennye transformatsii kontseptsii i silovykh instrumentov strategicheskogo sderzhivaniya [The latest transformation of conceptions and power instruments of strategic deterrence]. *Voennaya mysl'*, no. 8, pp. 7–17. (In Russ.)

14. Fazletdinov I.R., Lumpov V.I. 2023. Rol' Raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya v protivodeistvii strategicheskoi mnogosfernoi operatsii NATO [The role of Strategic Missile Forces in countering NATO's strategic multi-domain operation]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 53–63. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.04.2024;
одобрена после рецензирования 20.11.2024;
принята к публикации 03.12.2024

The paper was submitted 18.04.2024;
approved after reviewing 20.11.2024;
accepted for publication 03.12.2024